

Того же мнения придерживался и человек в черном: теснота экипажа и плотно опущенные занавески усиливали действие одурманивающего дыма. Антидота, принятого им заранее, оказалось недостаточно, чтобы противостоять такой концентрации яда, и его сознание начало меркнуть. Фан Дицзи, хоть и не имела при себе противоядия, всё это время держала во рту Жемчужину Успокоения Духа — бесценный дар бессмертных, способный нейтрализовать сотни ядов.

Ее раны, из-за действия токсинов, еще не затянулись, но туго перетянутая Огнеупорная ткань и остатки снадобий бога медицины позволяли ей не обращать внимания на боль и даже двигаться. Внутренняя сила, переданная ей теми людьми, хоть и не могла вернуться в разрушенный дантянь, всё же размягчила ноющие меридианы, вернув телу хоть какую-то подвижность.

Чжан Хуа, окруженный несколькими противниками, был вынужден отступить от повозки на несколько метров. В этот краткий миг из тени метнулась худая, ловкая фигура. С легкостью, словно обезьяна, срывающая персик, черный силуэт распахнул занавеску, обнажая лицо человека, сидевшего внутри с широко расставленными ногами.

— А? Ты уже справился? — выкрикнул нападавший.

Фан Дицзи с силой ударила ногой, и тело мертвого наемника полетело прямо в руки тому, мелкому. Тот в испуге взвизгнул:

— Ах ты, паршивец!

Фан Дицзи тут же полоснула его ножом. Черный силуэт вскинул руки для защиты, и в ночной тишине раздался чистый, звенящий звук металла о металл.

На этот раз пришла очередь Фан Дицзи, переодетой в нищего монаха, тихо выругаться. Кто бы мог подумать, что на руках у этого наемника железные кастеты, обмотанные бледно-желтой тканью, — в темноте они выглядели как обычные ладони. В душе она досадовала: после потери внутренней силы стало трудно не только лечиться и двигаться, но и зрение подводит.

Худой наемник издал удивленный возглас и радостно воскликнул:

— Вылезай, сразимся!

Нищий монах хрипло рассмеялся:

— Почтенный, в такой прекрасный вечер к чему эти танцы с оружием? Лучше бы присели, выпили вина.

Наемник ответил:

— Все, кто выдавал себя за госпожу Дицзи, уже мертвы. Только ты, плешивый осел, еще

держишься. Но у тебя нет внутренней силы.

Монах улыбнулся так, что глаза превратились в полумесяцы, а у глаз залегли тринадцать морщинок:

— Почтенный преувеличивает, бедный монах не достоин... — она резко вскинула нож, принимая удар кулака, и снова раздался звон, подобный удару в колокол. Но на этот раз монах не стала отступать, а, напротив, скользнула ножом вдоль его железной перчатки, целясь в запястье.

Будь у нее прежняя внутренняя сила, одного этого движения хватило бы, чтобы рука и голова наемника покатались по земле. Увы...

Наемник продолжал наносить удар за ударом, не спеша, будто пытаясь выманить все ее искусные приемы. Монах не разочаровала его: отражала атаку за атакой, используя силу противника против него самого. Несмотря на скованность движений, в тесноте повозки, опираясь на борта, она могла ловко уворачиваться.

Наемник ударил в грудь, монах откинулась назад и пнула его в живот. Тот подпрыгнул, собираясь обрушить железные кулаки, словно топоры, но монах резко метнулась в сторону — еще дюйм, и короткий нож вонзился бы в него.

Чжан Хуа все еще отчаянно сражался. Прелесть боевого строя в том, что бойцы прикрывают огрехи друг друга, не только защищаясь, но и нанося сокрушительные удары в моменты невнимательности противника.

Он держался из последних сил. Его меч двигался яростно, почти безумно, порой пренебрегая защитой, из-за чего он несколько раз едва не получил ранение. К счастью, его движения были легкими, а шаги быстрыми, и он всякий раз едва успевал увернуться.

Десять человек, сомкнув ряды, загнали Чжан Хуа в ловушку.

Он изнемогал под градом ударов. Он знал, что делать, существовало лишь два способа вырваться: либо скорость — на каждый удар противника отвечать десятью, тогда можно уцелеть; либо использовать внутреннюю силу, чтобы оглушить их и перебить. Но Чжан Хуа не мог ни того, ни другого. Он напоминал серфера, скользящего по волнам между сверкающими клинками. Пот с его лица брызгал на врагов, застилая им глаза.

Внезапно строй противников дрогнул. Появилась новая группа людей. Их одежда не походила ни на ливреи канцелярии премьер-министра, ни на привычные костюмы наемников. Они выглядели открыто, не прятали лиц, словно мясники, вышедшие с кухонными ножами, — им нечего было скрывать.

Чжан Хуа охватила паника. Отбиваясь от мечей, он мельком взглянул на Фан Дицзи и увидел,

как она, не обращая ни на что внимания, бросилась вперед и убила наемника, который тоже обернулся на шум. На душе у него стало спокойно. Он подумал: я должен быть невозмутим, как мама. Она пережила вещи куда страшнее, она может делать свое дело, не дрогнув, и я должен. Ободрившись, Чжан Хуа воспользовался замешательством врагов и убил двоих.

Люди с открытыми лицами бросились в бой и перебили всех, кто оставался в масках. Очень быстро и решительно, словно не боясь последствий. Чжан Хуа, выбившись из сил, вздохнул и отступил на шаг, чтобы перевести дух. Увидев мастерство этих людей, он успокоился окончательно: если противник настолько сильнее, нервничать уже нет смысла.

— По приказу императора, арестовать Фан... — этот последний наемник так и не договорил. Его убили.

Нищий монах вытер грязным рукавом грязный нож, села на землю, преодолевая боль, и слегка улыбнулась:

— Это вы? Уходите скорее, пока вас не заметили.

Два человека средних лет подбежали и помогли ей подняться. В их глазах читалось чувство, которое Чжан Хуа не мог постичь.

— Мы предпочли бы следовать за вами.

Они были уже немолоды: у кого-то виски поседели, кто-то давно перешагнул тридцатилетний рубеж. Но каждый из них был взволнован, словно верный слуга, встретивший долгожданного хозяина, а точнее — как братья после долгой разлуки, полные глубокого почтения. Чжан Хуа, прислонившись к лошади, украдкой наблюдал за ними.

Их лица покраснелись, глаза увлажнились, губы дрожали от волнения. Стоя перед Фан Дицзи с мечами в руках, каждый из них выглядел расслабленным, но при этом с гордостью выпрямлял спину и поднимал голову.

Монах рассмеялась еще веселее, посмотрела на них и со вздохом кивнула:

— Десять лет назад я бы об этом только мечтала, но сейчас — нет.

Седовласый старец шагнул вперед и с поклоном произнес:

— Госпожа Фан, десять лет не виделись...

Другой, не дожидаясь окончания вежливых слов, перебил:

— Вы не можете позволить братьям смотреть, как вы идете на верную смерть. — Он схватил ее за запястье, проверяя пульс. Фан Дицзи не сопротивлялась, с интересом глядя на них.

Монах притворно удивилась:

— О, так вы не хотите, чтобы я умерла? — Она посерьезнела: — Но и я, Фан Дицзи, не могу смотреть, как мои братья идут на смерть, чтобы выжить самой. Раз уж вы ушли в уединение, вам не стоит...

— Погоня уже близко, времени нет, — старец свистнул, и вдалеке показались породистые кони. — Вы двое скачите по проселочной дороге, а я пошлю людей переодеться в Чжан Хуа и увести преследователей.

Чжан Хуа хотел что-то сказать, но старец отрезал:

— Ты — Чжан Хуа, а мы — старые знакомые твоей матери.

В глазах Фан Дицзи промелькнуло сожаление. Сидя в повозке, она виновато произнесла:

— Старые друзья, я не могу вас послушать. Если Фан сбежит, кое-кто вас не пощадит. Если Фан схватят, другие не пощадят вас еще больше. Послушайте сестру: возвращайтесь, переоденьтесь, найдите себе девицу, выпейте вина и забудьте об этом. Фан сегодня благодарна вам, но горы вечны, а воды текут — увидимся еще, братья.

На лице старца отразилась нескрываемая печаль, он выпрямился еще сильнее:

— Даже старый конь знает дорогу, неужели мы, старики, совсем ни на что не годны?

Фан Дицзи вздохнула и примирительно улыбнулась:

— Не забывайте клятву прошлых лет. Помните?

Все хором ответили:

— Восстановим основы, укрепим порядок. Следуя закону, прославим путь. Как Млечный Путь в небесах, станем примером. Твердо храня срединный путь, будем править миром. Сияние добродетели распространится далеко, и порядок воцарится в веках. В чем суть совершенства? В созидании великого.

Фан Дицзи добавила:

— Фан всегда славилась верностью, я не могу нарушить клятву. Братья, прошу, возвращайтесь.

Старец долго крепился, но наконец воскликнул:

— Госпожа Фан, Чжан Хуа, уезжайте! Я не пойду с вами. Но я остаюсь здесь, чтобы убивать — и в этом вы мне не указ.

Фан Дицзи сложила руки в приветствии:

— Благодарю.

Глава 14

Чжан Хуа правил повозкой, то и дело оглядываясь на занавеску. Его голос был тихим, но в нем сквозило любопытство и подозрение:

— Мама, кто они?

— Старые друзья из моего прошлого, — Фан Дицзи в темноте повозки украдкой поправляла Огнеупорную ткань. Длинная лента должна была прикрыть не только рану в области даньтяня, но и свежий порез. Она считала себя мастером в обработке собственных ран в потемках. А чисто и гигиенично ли это — неважно, раз она до сих пор жива, значит, этот метод, проверенный сотни раз, работает.

Чжан Хуа хмыкнул, а через мгновение не выдержал:

— Прошлое — это когда? Времена бандитов? Лесов? Границы?

— Времена при дворе, — голос Фан Дицзи дрогнул от боли, когда она дернула ткань, но она лишь закатила глаза, чтобы не выдать себя. Она знала: из трех мужчин, перед которыми она когда-либо позволяла себе слабость, двое — император и Фан Ню — сейчас далеко. А если Чжан Хуа узнает, как ей больно, это лишь посеет в нем панику и лишит уверенности.

— Мама, у тебя были времена при дворе? Разве ты не перебралась из лесов сразу на границу, а потом домой, чтобы родить меня?

Чжан Хуа про себя подсчитал: если судить по дате рождения старшей сестры, мать поняла, что беременна, лишь на четвертом месяце, вернулась в столицу, а через пять месяцев родила. Едва оправившись, она передала ребенка Чжай Нянь и снова умчалась на границу к отцу. Мама, ну ты даешь! Если бы не твое мастерство, тебя бы давно разоблачили — за разврат в армии полагается смертная казнь! А со вторым ребенком было еще хуже: вернулась на пятом месяце, через три месяца родила, и всего месяц на восстановление...

— Я знакома с императором много лет, еще с тех пор, как мой брат не мог выбрать, кому служить: императору, наследному принцу или сыну императрицы... — в голосе Фан Дицзи зазвучала гордость. — Я, конечно, ошиблась в одном человеке, но мой главный господин меня не разочаровал.

— Мама, ты никогда не рассказывала об императоре. Расскажи сыну, а?

— Я дала клятву никогда не раскрывать государственных тайн, — с иронией отозвалась Фан Дицзи. — Вот встречу Цзинь У, тогда всё и расскажу.

— Мама! — недовольно воскликнул Чжан Хуа и замолчал. В лунном свете показались очертания домов у дороги — возможно, постоянный двор. Он подъехал ближе и тихо сказал:

— Мама, впереди дом.

— Давай заглянем, купим мяса. Но будь осторожен, у нас только одна Жемчужина Успокоения Духа.

— Буду, мама. — Чжан Хуа остановил повозку неподалеку и, прихватив увесистую связку монет, направился к зданию. Это был самый обычный постоянный двор, настолько неприметный, что среди сотни таких же его невозможно было бы выделить. Чжан Хуа легко взлетел на крышу, заглянул в окно кухни и увидел, что висающие там кости принадлежат свиньям, овцам и собакам, а не людям. Успокоившись, он спрыгнул вниз и постучал.

Сонный работник открыл дверь и заворчал:

— Посреди ночи спать не даете! Знаешь, который час? Через час хозяин погонит нас молоть бобы! Что вам надо?

Чжан Хуа бросил ему связку монет и бурдюк:

— Здесь полная связка. Наполни бурдюк мясным бульоном, на остальное купи мяса.

Работник, потирая глаза, поплелся на кухню, открыл котел, вставил черный от копоти воронку в бурдюк и стал черпать бульон:

— Слушай, гость, пить бульон из бурдюка удобно, но потом его не отмыть, вонять будет...

Чжан Хуа промолчал. Работник быстро наполнил бурдюк, отрезал два больших куса говядины и завернул в лопухи. Он до самого конца не узнавал Чжан Хуа, пока не вышел проводить его с фонарем. Вдруг он охнул.

Чжан Хуа резко обернулся:

— Что такое?

Работник побледнел и начал пятиться в дом, заискивающе улыбаясь:

— Ничего, ничего, господин, идите с миром.

Чжан Хуа улыбнулся:

— Ты узнал меня?

Работник тут же ответил:

— Нет.

— Правда? Я не кажусь тебе знакомым? — Чжан Хуа, словно старый друг, обнял его за плечи, слегка сжал шею и задул фонарь.

Притащив тело к повозке, Чжан Хуа протянул бурдюк:

— Мама, выпей.

— Пахнет вкусно. Ты себе мясо купил? — Фан Дицзи радостно приоткрыла занавеску, вытащила пробку из бурдюка, переложила Жемчужину за щеку и сделала глоток. — Вкусно. А что с тем парнем?

— Работник узнал меня. Здесь хозяин очень суров, если кто-то из слуг сбежит — никто не удивится.

— В таких местах обычно один работник, — Фан Дицзи посмотрела на удаляющийся постоянный двор. — Почему ты не переоделся в его одежду? Твое лицо трудно забыть — слишком уж приметное.

Чжан Хуа покраснел:

— Мама, зайди внутрь, я переоденусь.

Фан Дицзи рассмеялась и скрылась за занавеской:

— Были бы еще арахис и вино — было бы совсем хорошо.

Чжан Хуа, сдирая одежду с работника, приказал лошадям замедлить шаг:

— Было бы лучше, если бы вы не были ранены.

— Не ворчи, десятый сынок. Раньше, когда я была ранена, никто меня не корил. Рана — это неприятно, но не беда. — Фан Дицзи развязала пояс из Огнеупорной ткани, глядя на рану, которая никак не заживала из-за яда, и наконец поняла, что ей нужно. — Как переоденешься, опали эту ткань над факелом. — Она протянула ленту, обнажив кожу от ребер до бедер. — Я узнаю ту гору вдали, это Гора Соска. Значит, мы уже близко.

Чжан Хуа снял свое испачканное кровью и пылью платье, бросил его в угол и натянул белую исподнюю рубаху, а поверх — синюю домотканую одежду работника. Он держал ленту над факелом, выжигая пятна крови.

— Огнеупорная ткань: бросишь в огонь — и она чиста, — пробормотал Чжан Хуа. — Мама, я до сих пор не понимаю, почему император подарил тебе такую вещь. У тебя есть заслуги, но это

же легендарное сокровище.

— Потому что император знает, что важнее любой ткани, — гордо ответила Фан Дицзи. Она была довольна, что за один из своих поступков получила награду, которую, по легенде, имел лишь царь Чжоу Му-ван.

— Любимая женщина? — выпалил Чжан Хуа.

— Тьфу! — Фан Дицзи принялась бинтовать рану. — Разве между мужчиной и женщиной не может быть честного взаимовыгодного сотрудничества? Он император, мудрый правитель, а я — жена одного его приближенного и сестра другого. И я не такая красавица, как ты думаешь. Не будь таким пошлым, как цензоры.

Впереди показался город. За два дня и две ночи они проделали две трети пути и вот-вот должны были достичь границы. На рассвете они приблизились к небольшому городку.

Стражники проверили подорожную грамоту Чжан Хуа. Если простолюдин отлучался более чем на двести ли от дома, он обязан был иметь официальный документ — «луинь». Без него или при несоответствии данных грозило наказание.

Грамота, выданная в канцелярии премьер-министра, была настоящей — даже более настоящей, чем золото.

Фан Дицзи не только вымазала лицо сажей и жиром, не мылась два дня и не чистила зубы, но и облачилась в монашескую рясу, которую не снимала с пятнадцати лет, когда научилась искусству перевоплощения. Одежда настолько испачкалась, что цвет стал неразличим. Заплатки из шелка, льна и хлопка превратили ее в некое подобие лоскутного одеяла — «байная»-ряса. В юности она была одержима поиском лоскутков для этого наряда.

Чжан Хуа в детстве открыл сундук с этой рясой в хранилище канцелярии и потом три дня видел кошмары.

Вид и запах монаха были соответствующими. Стражники проверили документы, заглянули в повозку, полную лекарственных трав, и пропустили их.

Повозка медленно двигалась по городу. Фан Дицзи выглядывала в окно и вдруг скомандовала:

— Остановись. Иди к тому старому сутяжнику с голубями и скажи, что человек, у которого «дерево» стоит «квадратно», пришел за долгом.

Чжан Хуа без колебаний подошел к человеку. После короткого разговора Фан Дицзи прошептала:

— Дерево стоит четырехугольно?

Чжан Хуа сразу понял пароль: четырехугольное дерево — это иероглиф «лень» (глупый).

Сутяжник подозрительно оглядел рясу монаха:

— А сколько сторон у этого дерева?

— У этого дерева одна сторона мертва, — Фан Дицзи погладила голубя: — На мой взгляд, птица жирная, к вину — самое то.

Сутяжник плюнул на землю, схватил ее за воротник, но тут же отдернул руку, словно обжегшись, и замахал руками:

— Убирайтесь, убирайтесь скорее!

Фан Дицзи остановила Чжан Хуа:

— Поехали. — Она опустила занавеску, достала из-за пазухи записку, взглянула на нее, стиснула зубы и откинулась назад, теряя сознание.

Глава 15

Чэнь Лян и Ван Цянь мертвы.

Чэнь Лян и Ван Цянь мертвы!!

У меня здесь судьба неясна, а там — смерть почти неизбежна.

Фан Дицзи скрипела зубами, лицо под слоем сажи посерело. Эта новость была слишком неожиданной и слишком страшной.

Теперь она даже жалела, что вообще начала наводить справки, что доверилась тайным агентам императора.

<http://bllate.org/book/21775/2251793>